Альбатросы пехоты

Царица полей вынесла на плечах самую горькую тяжесть войны

КВАРТИРА Алексея Антоновича Зайцева напоминает музей: на стенах картины о казачестве, две трофейные работы немецких художников, старинные часы с кукушкой, всюду дорогие памяти и сердцу вещицы, фотографии родных и близких. Целая эпоха перед глазами. Да и то сказать: с 11 марта хозяину пошел 84-й год, и ему невозможно отхлынуть от прошлого, которое кровно связано с землей Магнитки…

Странный все-таки народ – фронтовики. Знаю это не только по своему покойному отцу-танкисту, который ни разу не надевал многочисленные боевые награды. Даже колодки никогда не носил. На вопросы отмахивался: я, дескать, людей все-таки убивал, а этим разве козыряют? Кто знает, может, неправ был, может, о душе своей заботился, потому как в писании сказано: «Не убий», «Любите врагов своих…» Хотя в известной песне поется: «Фронтовики, наденьте ордена!» Все спутала и перемесила война, всех ввергла в страшный грех перед природой человеческой, казалось бы, одних обрушила в пропасть, других вознесла, а на поверку оказалось, что все мы – дети великой беды, наследники неизбывного горя и инвалиды жестокого века.

…Родился Алексей Зайцев в Кокчетаве. Его отца, инвалида первой мировой войны, в 1929-м догнала смерть. Мать с четырьмя детьми вернулась в станицу Магнитную к своим братьям и родителям мужа. Здесь в 30-м году Алеша пошел в школу, окончил восемь классов, поступил в литейный цех ММК – нужно было помогать семье. С началом войны призван в армию, окончил Алма-Атинское пехотное училище и воевал в должности командира взвода во втором батальоне 299-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии. В районе Орла шли позиционные бои. При налете авиации контужен и ранен в правую ногу. В полевом госпитале его навещали однополчане-магнитогорцы Гера Корохтин, Аркадий Ильин, другие офицеры. Они-то и упросили начальника госпиталя не отправлять Алексея в тыл…

Вскоре дивизия была переброшена под Сталинград на западный берег Дона. После нескольких дней пребывания в болотах переправились на восточный берег и начали создавать укрепрайон. Командир батальона собрал командиров взводов и предложил найти желающих «прогуляться» на другой берег «за языком». За офицера – орден, за рядового – медаль. Алексей с бойцами Самыгиным, Кощановым, Семеновым и сержантом Дьяченко решили провернуть это дело. Через Дон переправились на лодке, подошли к озеру и опять же на лодке пересекли его. Углубились в большой сад, по ходу наевшись яблок и слив. Вскоре послышался шум. Рассредоточились и приготовились к бою. Подъехали легковушка с четырьмя немцами и мотоцикл, немцы тоже решили полакомиться фруктами. Машину и мотоцикл забросали гранатами, офицера взяли в плен, под массированным огнем успели переправиться к своим. На всю группу были оформлены наградные листы…

В боевом охранении на западном берегу Дона приходилось быть без смены по двое–трое суток. Не хватало питания и боеприпасов. Алексей понимал: предпримут немцы наступление на этом участке – взвод погиб бы сразу: переправиться через Дон под огнем противника было невозможно. 23 июня в 23 часа какой-то человек со стороны немцев стал просить: не стреляйте, пропустите к нашим позициям. Это оказался майор штаба нашей 21-й армии, попавшей в окружение и потерявшей связь с войсками. 25 человек со знаменем и документами прорвались к Дону. Они просили их не разоружать. Алексей принял решение пропускать их группами по три человека. За операцию по бескровному пропуску штаба 21-й армии Алексей Зайцев и несколько бойцов были представлены к наградам.

Спустя десятилетия к боевым наградам ветерана прибавился серебряный крест «За возрождение оренбургского казачества»

В августе окончательно перешли на подготовленные позиции на восточном берегу Дона. Немцы начали наступление в районе станций Верхне- и Нижне-Курмоярских, и полк оказался отрезанным от остальных частей. В районе деревни Плесы фашисты зашли во фланг и стали косить красноармейцев из пулеметов. Комбат приказал взводу Алексея уничтожить огневые точки. Часть была подавлена отделениями, но против расположения Алексея заработал станковый пулемет, который удалось забросать гранатами. Вместе с сержантом Дьяченко, красноармейцами Самыгиным, Кощановым и Семеновым заняли господствующую высотку. По ней-то враг и сосредоточил минометный огонь. Семенов и Кощанов погибли, все остальные были ранены. Алексей не мог двигаться – осколок разорвал плечо и шею, поэтому Дьяченко и Семенова послал за подкреплением. Они не вернулись, а высотку заняли немцы. Спасла темная ночь. Превозмогая боль, Алексей стал перекатываться с высотки вниз, пока не наткнулся на трех уцелевших от взвода бойцов, которые помогли добраться до своего расположения. Почти все в роте были ранены.

Еще четыре дня пришлось отбивать атаки противника. Раны обработать было нечем, перевязки не помогали, на пятый день в плече и шее завелись черви, тело стало покрываться синими волдырями. В ночь на 6 сентября Алексея на лошади отправили в Сталинград. В полевом госпитале погрузили на плот для отплытия в Куйбышев. Но плот и баржу разбила немецкая авиация, многие погибли, а некоторых, в том числе и Алексея, выловили и посадили на катер. Куйбышев, Караганда… Рана на шее закрылась, но рука не работала. Комиссия определила инвалидность второй группы. Пришлось приложить немало воли и мужества, чтобы правая рука стала работоспособной. Закончил курсы «Выстрел», был командиром стрелковой роты в Узбекистане, командиром роты в Харьковском военно-медицинском училище. После демобилизации вернулся в родную станицу Магнитную, стал работать в горнорудном управлении ММК. Но ранения и букет болезней, заработанных на фронте, давали о себе знать. Был назначен управляющим в совхоз «Муравейник», где легче было с диетическим питанием – донимали желудок, лямблиоз, которым заразился от воды в болотах…

Фото Евгения РУХМАЛЕВА.

Спустя десятилетия к боевым наградам ветерана прибавился серебряный крест «За возрождение оренбургского казачества» – символ потомственной принадлежности к сословию защитников Отечества. Пехота – царица полей. Пехота вынесла на плечах самую горькую тяжесть войны. Ветераны пехоты сегодня все теснее смыкают ряды. Они, словно альбатросы, продолжают свой высокий полет над временем и памятью. Они подняли на крыло детей, внуков и правнуков...

С праздником Победы тебя, ветеран!

Александр ПАВЛОВ.

Мемориал Славы

ПАМЯТЬ

Вчера на проспекте Механиков металлургического комбината, состоялась торжественная церемония открытия мемориала Славы.

Этот монумент создан в память о работниках механослужбы ММК, погибших во время Великой Отечественной войны.

Идея создания монумента принадлежит директору ЗАО «Механоремонтный комплекс» Виталию Бахметьеву. Строили мемориал Славы, как в старину, всем миром. Добровольные пожертвования сделали работники ЗАО «МРК», а сегодня это более семи тысяч человек. Автор монумента – магнитогорский архитектор Роман Бикмухаметов.

Мемориал Славы – это композиция из нескольких составных частей, выполненных в красном и черном граните. На основной вертикальной плоскости – сто пятьдесят одна фамилия работников механослужбы, ушедших с производства в далеком сорок первом на фронт и не вернувшихся с войны.

На торжественную церемонию открытия были приглашены ветераны войны и труда ЗАО «МРК», председатели совета ветеранов, работники ЗАО «МРК», руководство ОАО «ММК».

«Никто не забыт, ничто не забыто» – эту песню трогательно исполнил после минуты молчания хор мальчиков «Соловушки Магнитки».

Вера ЕВСТИГНЕЕВА.

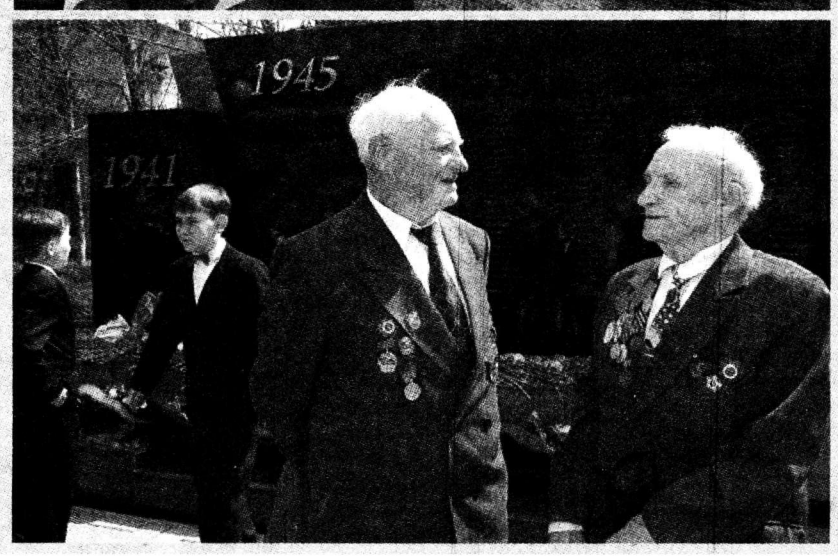

Фото Андрея СЕРЕБРЯКОВА.

Владилен МАШКОВЦЕВ

Воин-освободитель

При работе над монументом советского воина-освободителя в Трептов-парке Берлина скульптору Вучетичу позировал солдат-магнитогорец Иван Степанович Одарченко.

Как в Трептов-парке пляшут ливни звонко,
но над чужой забывчивостью трав
стоит солдат, прижав к груди ребенка,
мечом былинным свастику поправ.

Еще дымились вздыбленно зенитки,
еще полынь в окопах не росла,
когда Россия парня из Магнитки
на пьедестал бессмертья вознесла.

А он смущался, хмурясь озадаченно,
но понимал, поднявшись в полный рост,
что это он – солдат Иван Одарченко
поставлен снова Родиной на пост.

В огне войны и грозах воин выстоял,
но если орды грянут, мир круша,
он первым грудью примет вражьи выстрелы,
прикрыв от подлой пули малыша.

Имел солдат единственное право

Упал солдат на выжженные травы,
ничком в пороховую коловерть.
Имел солдат единственное право –
за Родину в атаке умереть.

В тот грозный час земля огнем вставала,
и по жнивью катился вражий вал.
Быть может, прав солдат имел немало,
но прав других солдат не признавал.

Он видел, как горит родная хата,
как сгорбились от выстрелов плетни…
И встал солдат с последнею гранатой
у вражеского танка на пути.

Не жаждал он наград и ратной славы,
над ним в тот миг не пела трубно медь…
Имел солдат единственное право –
за Родину геройски умереть.